

An ornate, golden-brown frame with intricate scrollwork and floral patterns surrounds the central text. The background is a light blue gradient with faint, circular patterns.

ИРА БРИЛЕВА



РАССКАЗЫ



Ира Брилёва

Рассказы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12732547
Рассказы / Ира Брилёва: Авторское; Москва; 2015

Аннотация

Кончался 20-й век. Пролетела «перестройка», вслед за ней умчалось «ускорение». Дикий капитализм пришел в деревню Вертуха. Продавщица Дуська, ублажив председателя, приватизировала сельпо. Через неделю на покосившемся сарае, изображавшем магазин, появилась свежая вывеска «Универсам». Больше ничего в магазине не изменилось...

Сборник рассказов о людях и домашних животных, о том, как жили мы в конце 20-го века, и как живем сегодня.

Содержание

Главарь	4
Рукопись	6
Нянька	13
Кот Кузя	16
Поезд, Владивосток и тапочки	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ира Брилёва

Рассказы

Главарь

Мне подарили корзину живых раков. Раки были кряжистые, все в бугорках зеленого мшистого хитина. Они бесконечно шевелили усами, вращали черными выпученными глазищами, и с первого взгляда казалось, что в корзине закипает серо-зеленая, злобная шипящая пена.

Среди всех выделялся один рак. Он был крупнее своих приятелей, с огромными – со спичечный коробок – корявыми клешнями. Панцирь его был подстать клешням – корявый и огромный. Рак громко шипел, пуская мыльнообразные пузыри, и настырно лез по головам товарищей, пытаясь выскочить из корзины. Я взял его в руки. Ему это страшно не понравилось, и он больно цапнул меня за палец остро заточенной клешней. Выронив рака, я побежал на кухню за йодом и пластырем. Рак, гремя клешнями по полу, резво поскакал куда-то в сторону шкафа. Пока я зализывал раны, прошло минут десять. Я вернулся в комнату. Корзина стояла на месте, её обитатели тоже были на месте. Отсутствовал только большой рак. Я мысленно обозвал его Главарем и стал озираться, пытаясь определить, куда он заполз. Я заглянул

под диван и под шкаф – рака нигде не было. Я обошел комнату по периметру – никого. «Ну и черт с тобой, – подумал я, – и пошел ставить кастрюлю с водой на огонь – остальные раки дольше ждать не могли. Пока я возился на кухне, в комнате послышался какой-то шум. Я пошел на этот странный шум и не поверил своим глазам – по всей комнате ползали раки. Корзина с аккуратно разрезанным боком стояла там, где я её оставил. Главарь, пользуясь моей беспечностью, выполз из своего укрытия, распорол корзину и освободил своих товарищей. Я смотрел, как раки захватывают все новые и новые площади, но стоял, совершенно не зная, за что братья: то ли ловить раков, то ли заряжать в видеокамеру новую кассету. Из замешательства меня вывел преболяющий укус сзади. Главарь тихо подкрался и куснул меня клешней за ногу. Озверев от боли, я стал голыми руками хватать раков и таскать их на кухню, где уже закипала на плите вода с укропом. Управившись, я сел на табурет и устало сгорбился. Этот огромный рак совершенно измотал меня. Через пятнадцать минут все было кончено. Я вынимал из кастрюли покрасневших раков и складывал их на блюдо. Последним мне попался Главарь. Я положил его поверх краснеющей кучи собратьев и сел напротив. Я смотрел в его воинственно выпученные глаза, на победно торчащие огромные усы и у меня по щекам потекли слезы. Он не сдался. Он победил. Даже после смерти он бросал мне вызов. Я не смог его съесть и просто похоронил во дворе.

Рукопись

«Какая же ты у меня бестолковая, Танечка! Ну, я прошу тебя, не лезь не в свое дело. Пожалуйста, – Иван неприязненно посмотрел на жену. «Господи, как я мог жениться на такой глупой курице, да еще и прожить с ней столько лет, – подумал он.

Таня стояла рядом, держа в руках тарелку с кашей. «Так ты не будешь есть кашу? – спросила она. «Не буду! – почти выкрикнул Иван и склонился над очередной рукописью. «Не мешай мне, ради бога, я очень занят! Мне еще надо вычитать 50 страниц».

Таня пожалала плечами и вышла из комнаты.

Последнее время с её мужем творилось неладное. Он раздражался по любому пустячному поводу, выговаривал ей за каждый промах, отравляя жизнь почти бабьим криком или – того хуже – длительными, хорошо срежиссированными скандалами.

Раньше муж любил Таню и свою работу – он был редактором в большом издательстве, и, по сложившейся за долгие годы привычке, предпочитал лично просматривать присылаемые в редакцию рукописи.

Когда они поженились, он нежно опекал жену, старался угадать любое её желание, был восторженно – вежлив и обходителен. Куда исчезло всё это за 10 лет их супружеской

жизни?

Таня старалась изо всех сил. Она купила новую поваренную книгу с экзотическими рецептами, перекрасила волосы в золотисто-русый цвет, сшила новые занавески в спальню – ничего не помогало. Иван становился все более раздражительным. Иногда ей казалось, что работа полностью заменила ему настоящую жизнь, и теперь в своих рукописях он находит то, что раньше искал в реальности.

Таня отнесла тарелку на кухню и села на табурет. Её семейная жизнь рушилась на глазах, и она никак не могла придумать, что с этим делать. Новые экзотические рецепты раздражали её мужа чуть ли не больше, чем присутствие жены, цвет её волос развеселил Ивана: он заявил, что теперь она выглядит как дешевая шлюха, а новые занавески – просто не заметил. Все усилия пропали даром.

Таня проводила дома все свободное время. Как-то раз молодая женщина занялась совершенно необычным для себя делом: раз её жизнь абсолютно испортилась из-за каких-то там рукописей, она решила попробовать, что же это такое, рукописи. Таня закрылась в своей спальне, свернулась калачиком в огромном старом кресле и стала придумывать сюжет для рассказа. Написав несколько строчек, Татьяна вдруг увлеклась процессом. Она просидела над рукописью два часа. Никто не интересовался, куда она делась и чем занята, и, впервые в жизни, Таня оценила свою неожиданную свободу. Теперь, управившись по-хозяйству, она бежала на второй

этаж, в спальню – там женщина устроила себе импровизированный кабинет, забиралась с ногами в кресло и посвящала своему новому хобби по нескольку часов в день. То, что она писала, ей нравилось, но ещё больше ей нравилось сидеть, устремив глаза в потолок, и видения бродили у неё в голове, складываясь в целые сцены. Она словно смотрела спектакль, и когда он заканчивался, быстро переносила на бумагу все, что только – что увидела.

Таня никому не рассказывала о своем увлечении, и больше всего боялась, что о нем узнает Иван. Для этого она предприняла некоторые меры предосторожности, которые заключались в ежедневном и неукоснительном перепрятывании рукописи в разные места спальни.

Но её опасения были напрасны. Иван никогда не интересовался содержимым бельевых шкафов, и поэтому Танина тайна не могла быть обнаружена ни при каких обстоятельствах.

Так прошло три месяца. Рассказ понемногу превращался в полноценный книжный том, который вполне тянул на небольшой роман. Его рукопись уже была готова, и Таня решила, что теперь она вполне может написать что-нибудь ещё. У неё в голове возникла идея другого «спектакля» – так она называла свои сюжеты. Привычно свернувшись калачиком в кресле, Таня мысленно просмотрела от начала до конца новый «спектакль» и немедленно приступила к работе. Закрывая глаза, она вспоминала целые куски своих необычных ис-

торических фантазий и, ни минуты не медля, записывала их на бумагу. Неожиданно перед ней встало одно препятствие. Поскольку события, которые она описывала, когда-то происходили на самом деле, ей потребовалась помощь исторической энциклопедии. Потихоньку пробравшись в библиотеку – муж не любил, когда кто-нибудь ковырялся в его книгах – она нашла нужную книжку и тихонько унесла это бесценное сокровище к себе в кресло. Чтение оказалось очень полезным для её работы, и увлекшись, Таня чуть не проворонила яростные призывы мужа, метавшего молнии по – поводу её безответственного исчезновения. Наскоро прикрыв книгу первой попавшейся под руку тряпкой – это оказалась шелковая пижамная куртка, Таня побежала на становившийся всё более грозным, зов.

«Где тебя носит? Сколько же я могу тебя звать, – муж разбушевался не на шутку. Если ты ничего не делаешь, то соизволь хотя бы мне помогать! Нельзя же сидеть дома, и при этом ещё и ничем не заниматься, – Иван, казалось, получал удовольствие от того, что мог на ком-то сорвать зло.

Таня молча слушала мужа, и мысли её были где-то очень далеко. Они бродили по лесам шестнадцатого века вместе со смелыми и прекрасными людьми, населявшими Европу в то время. «Ты слышишь меня, – донеслось до её слуха, и она поняла, что на какое-то время совершенно отключилась. «Конечно, дорогой, – ответила она заученной фразой. – Тебе что-нибудь нужно?» «Слава богу, наконец-то меня услыша-

ли. Да, представляешь себе, я решился потревожить твой покой, чтобы самому не отвлекаться от работы и не спускаться в кухню. Ты не будешь так добра принести мне что-нибудь из еды? – ехидно спросил Иван. «Ты хочешь поесть? Конечно, я сейчас что-нибудь придумаю» Её невозмутимость окончательно вывела Ивана из себя. «Да уж будь так любезна, дорогая, – с его языка текли целые реки яда. Таня, стараясь не обращать внимания на его настроение, принесла из кухни поднос с едой и быстренько удалилась к себе в спальню, чтобы продолжить свое занятие.

Так пробежали ещё несколько часов. С упоением проживая выдуманные ею же события, которыми она щедро приукрасила давно умершую реальность, Таня неожиданно начала понимать мужа. Мир нереальный оказался так замечательно хорош, что действительность раздражала обыденностью и размеренной одинаковостью, и в её голове созрел, наконец, план, как же ей изменить свою жизнь.

Дни теперь бежали почти незаметно: день-вечер, утро-ночь. Тане некогда было замечать такие мелочи, её жизнь теперь была интересной, такой интересной, как никогда раньше.

В дверь настойчиво позвонили. Таня спустилась вниз – посыльный принес из редакции целую стопку новых рукописей. Таня привычно расписалась в ведомости и понесла рукописи в кабинет мужа. Иван зыркнул в её сторону и снова уткнулся в работу, близоруко водя карандашом по бумаге.

Иногда он ставил на полях галочки или делал пометки. Постояв немного посреди кабинета, Таня положила рукописи на стул рядом со столом, за которым работал Иван. «Вот. Новая порция. Тебе понравится, – коротко сказала она и вышла. Иван недовольно проводил её взглядом – он тысячу раз просил её не мешать, когда он работает. Рукописи попадались всё бездарные. Бесконечные перепевы модных телесериалов или же неталантливо переработанные сюжеты из классики.

«Бог мой, какие же люди стали жадные, ничем не гнушаются! «Ромео и Джульетта»! И кто же это у нас такой умный – переписать Шекспира на современный лад! Джульетта, видите ли, у него продавщица в видео-магазине, а Ромео – ди-джей в баре, и, в довершение всего, печальный конец – все умерли от передозировки наркотиков. Какая ужасная гадость, а не литература! – возмущался Иван.

Перебрав несколько рукописей, он неожиданно наткнулся на нечто свежее и необычное. Он увлекся и забыл о времени. За окном ночь плавно перетекала в утро, и, закончив чтение, Иван обнаружил, что не сделал ни одной пометки на полях – такое случалось с ним только дважды: один раз ему повезло открыть «звезду» от литературы, а в другой раз всё было гораздо прозаичнее: Ивану на рецензию принесли новую повесть маститого писателя. Но эта, прочитанная им за ночь на одном дыхании история, была чем-то совершенно новым, она была свежа и оригинальна, не было ни одного повтора,

хоть сколько-либо напоминавшего все известные Ивану сюжеты. А знал он их бесконечное количество. Вот это рукопись! Восторг его был настолько полон, настолько невероятен, что он совершил абсолютно непредсказуемый поступок: прошел в спальню к своей жене и, бесцеремонно разбудив её, захлеб принялся рассказывать, какую замечательную рукопись прислали ему из редакции. Таня внимательно слушала Ивана и молча кивала головой в такт словам. Когда муж исчерпал свое красноречие, она тихо спросила: «Тебе, правда, понравилось?» «Ты ещё спрашиваешь! Это гениально!» «Я так тебе и сказала, что тебе обязательно понравится, – почему-то утвердительно сказала Таня.

«Господи, ну а ты-то что в этом понимаешь? – как всегда завелся Иван. Таня, ни слова не говоря, встала с кровати, подошла к креслу и, вытащив из-под горы подушек черновик рукописи, протянула его Ивану. «Что это такое? Что ты мне даешь, – Иван присел на край кровати и пробежал глазами несколько первых строчек. «Где ты это взяла? Это же черновик той рукописи, что я сегодня читал! Постой... Не может быть!»

Осознав правду, Иван так и остался сидеть с открытым ртом. Вытащив из кресла еще одну, почти уже законченную рукопись, она положила её к мужу на колени. Не обращая внимания на полную прострацию, в которую погрузился Иван, Таня накинула халатик на ночную рубашку и нежно спросила: «Ты на завтрак кашу будешь?»

Нянька

Глухой темной ночью в окно виллы влез вор. Он бесшумно двигался по комнате, не зажигая фонарик. Внезапно из темноты донесся голос: «Дядя, ты кто?» Вор опешил от неожиданности и замер. Несколько секунд стояла тишина, а потом снова: «Дядя, я тебя вижу. Иди сюда». Вор колебался, но неожиданно для самого себя пошел на голос. Глаза привыкли к темноте, и он увидел ребенка лет шести, сидящего в кроватке. «Дядя, расскажи мне сказку, а то я не могу заснуть». Ребенок подвинулся на кровати и похлопал ладошкой по освободившемуся месту:

«Садись».

«Не садись, а присаживайся» – привычно поправил вор. «Ты чего не спишь? Все нормальные люди спят давно».

«А ты?»

«У меня работа. Я потом посплю».

«Работа? А что ты делаешь?»

«Я-то? – вор почесал затылок. – Да, вот, я тут... хожу, смотрю, чтобы у вас ничего не украли».

«Так ты сторож?» – оживился ребенок.

«Ага, сторож».

«Ты, наверное, новенький, я тебя раньше не видел».

«В общем, нет. Я не новенький. Я давно работаю».

«И сколько тебе платят?»

«Платят? Как повезет. Иногда вообще ничего».

«Странная работа. А моему папе все время платят».

«Я вижу, – сказал вор, оглядывая комнату.

«Давай теперь сказку мне рассказывай, – попросил мальш.

«Сказку. Какую же тебе сказку, – задумался вор. – А, вот, есть одна. Жил-был мальчик. Однажды ночью к нему в комнату забрался вор. Но мальчик был храбрым и очень добрым. Он решил помочь несчастному человеку обрести новый жизненный путь. Он познакомил его со своим папой, и папа дал этому человеку хорошую работу...» Внезапно в комнате вспыхнул свет. «Блестяще, молодой человек. Да у вас просто литературный дар» Около двери стоял мужчина, и насмешливо глядел на вора. «Папа, познакомься, это наш новый сторож, – вежливо сказал мальчик. «Очень приятно, сынок, я обязательно учту твои рекомендации». Вор продолжал сидеть на детской кровати, втянув голову в плечи и нахохлившись. «Молодой человек, давайте пройдем в мой кабинет, там нам будет гораздо удобнее беседовать. И, пожалуйста, пожелайте моему сыну доброй ночи – он очень храбрый и добрый мальчик, – хозяин квартиры едва сдерживал смех. Вор привстал, неловко ткнулся губами в пухленькую щечку мальчика, и тихо пробормотал: «Доброй ночи». Неожиданно мальчик обхватил его руками за шею и звонко чмокнул. После этого он улегся и натянул одеяло до самого подбородка. Вор замер от неожиданности над кроватью, а,

придя в себя, поправил одеяло, заботливо подоткнув его по бокам. Хозяин квартиры, стоя у двери, молча наблюдал за этой сценой. Вор прошел вслед за ним в просторный, устланный коврами кабинет. Хозяин уютно расположился в кресле и предложил «гостю» сигару. «Видите ли, милейший, вам повезло. Я не стану вызывать полицию». Вор недоуменно взглянул на хозяина кабинета. «Я невольно подслушал ваш разговор с моим сыном и хочу дать вам шанс. Попробуйте написать рассказ. Я руковожу крупным издательством, и сам немного сочиняю, и если у вас что-нибудь получится, то, я уверяю, вы легко сможете сменить профессию. Ваши гонорары будут многократно превышать ваш нынешний доход».

Прошло десять лет. В кабинете сидели два хорошо одетых господина, и дружеский тон их беседы свидетельствовал об их тесных приятельских отношениях. «Послушай, Билл, твоя последняя пьеса выше всяких похвал. Звонили из верхов, они выдвигают её на Букеровскую премию». «Джордж, я не знаю, как тебя благодарить, ты просто перевернул мою жизнь. Какое счастье, что тогда, десять лет назад, я не вызвал полицию».

Кот Кузя

Мы с мужем – «кошатники». Этим странноватым термином себя называют люди – поклонники кошек. Наверное, он возник в нашем гибком и восприимчивом ко всяким милым нелепостям языке по аналогии с «собачниками».

Я уважаю собак, как полноправных членов человеческого общества, но соседство с ними всегда приносило мне мало-приятные хлопоты и, вообще, головную боль. Так, что, мы – «кошатники». Ярые и убежденные.

Мы, сдуру, завели однажды пса, роскошного добермана по кличке Эшер, элитного, с дико знаменитой родословной. По паспорту он был совсем не Эшером, а кем-то таким труднопроизносимым, что и прочесть-то его имя было проблемой. Поэтому, получив от нас новое имя, пес в просторечье стал просто Эшкой – так мы для удобства звали своего питомца. Но он не обижался. Он честно старался нас полюбить, или хотя бы не огорчать. Это у него плохо получалось – доберманы вообще жутко беспокойные собаки, подвижные как ртуть. Он изодрал в клочья обои в комнате, которую мы выделили ему в нашей трехкомнатной квартире в качестве отдельной персональной конуры. Он содрал со стены ковер и нанес ему непоправимый урон своими острыми беспощадными зубами. Он погрыз всю мебель, до которой только сумел дотянуться. Он вел себя как бессовестная бродячая пси-

на, изводя всю семью день и ночь несносным характером: то ему неожиданно хотелось прогуляться по улице часиков так в пять утра, и он начинал противно взвизгивать, добиваясь своего. То весьма поздним вечером ему вдруг приходила в голову замечательная мысль полаять на все лады минут сорок-пятьдесят без перерыва. Это в пятиэтажном-то доме, битком набитом квартирами!

Даже представители уличной собачьей братии вели себя пристойнее. Когда мы на очередной прогулке неожиданно сталкивались с ними нос к носу, Эшка незамедлительно начинал атаковать любую встреченную им собаку. Он рвался в бой так рьяно, что грозил сорваться с поводка, кровавая пена выступала на его обнажавшихся оскаленных зубах, и никакие увещевания не помогали.

В общем, вел он себя неприлично до крайности. Манеры у него были как у невоспитанного проходимца, и сколько мы не нанимали для него собачьих учителей, ничего ему не помогало.

По паспорту он был потомком старинного австрийского собачьего рода. Эшкины деды и бабушки, до пятого колена обозначенные в его метрике, все сплошь носили имена с приставкой «фон»: «фон такой-то» или «фон такая – то». Со всем как люди!

Промучившись с ним около года, и, наконец, отдав его в добрые руки обезумевшего от счастья начальника городской кинологической службы – нашего приятеля, мы вздохнули

свободно и окончательно уверовали в то, что собака друг человека. А друзья, как правило, живут на разной жилплощади – для свежести отношений.

Эксперимент с собакой мы возобновляли только еще один раз в своей жизни, когда построили свой собственный дом и переехали в него из обыкновенной сталинской «трешки». На этот раз мучения наши продолжались всего месяц. Взятый для охраны и обороны дома беспородный пес с тривиальным именем Джек орал и выл по ночам, забравшись, словно на сцену, на перевернутый вверх дном, здоровенный алюминиевый бак, и красиво изогнув во время этого дикого концерта длинную мерзкую шею. Он проделывал все это очень изощренно, не торопясь, с чувством, устраивая себе иногда коротенькие перекуры, во время которых изподтишка озирался вокруг – все ли его услышали и получили удовольствие от раздражающих душу в ночи звуков.

Соседи перестали с нами разговаривать, и только зло прошмыгивали мимо, случайно сталкиваясь с нами на улице. Они поглубже прятали глаза в воротники пальто, но и оттуда их взгляды светились дьявольским ядовитым светом с явным пожеланием провалиться нам в тартарары вместе с воющим по ночам псом.

Если не считать ночных концертов, пес был, в общем, очень дружелюбным и ласковым. Не зная, куда растратить свою неумемную энергию – о, молодость! – Джек бестолково носился по двору и саду, сшибая все на своем пути, беспар-

донно ставил лапы на плечи наших гостей, встречая их у калитки, и слюнявил им лица в надежде на взаимность. В результате через месяц мы лишились общения с друзьями.

Окончательно убедившись в том, что наша семья и собаки – вещи несовместимые, мы с мужем собрали семейный совет и решили, что если незамедлительно не пристроим и эту псину в надежные руки, то инфаркт, которого мы только чудом избежали в первое свое собаководство, обязательно настигнет нас обоих прямо на текущей неделе.

Срочно был брошен клич по нахождению желающих приобрести молодого, веселого (я бы даже сказала, чересчур веселого) и общительного пса. И желающие нашлись. Это были родители знакомых моей мамы. Они жили в поселке неподалеку от нашего города. Там у них была крепкая сельская усадьба со всеми причитающимися ей причиндалами: огромным огородом с ухоженными овощными грядками, курятником с проживающими в нем жирными курами и горластым петухом, нарядный зеленый газон, искусно украшенный цветочными клумбочками со всякими там астрами-пионами-маргаритками – все же мы говорим об усадьбе двадцать первого века, когда все, даже селяне, предпочитают красоту и удобство грязище и разрухе.

Усадьба блистала чистотой и опрятностью, новым забором из свежеструганых, покрытых лаком, досок; она радовала глаз хозяевам и вызывала зависть соседей.

Наш, вернее, теперь уже бывший наш пес, проявил себя

с первых же минут. Его слегка укачало – с непривычки – в автомобиле, в котором новые хозяева пытались доставить его к постоянному месту службы, и он для начала заблевал им весь салон новенького «Опеля». Не остановившись на достигнутом, Джек не стал сдерживать позывы своего, также не привыкшего к комфортным автомобилям, кишечника, и опорожнил его прямо на заднее сидение все того же «Опеля». Но и этого ему показалось мало! Для надежности он изодрал в клочья изгаженное заднее сидение несчастного автомобиля своими острыми когтями.

Кое-как переместившись в поселок, пес в первую же неделю передумил всех жирных хозяйских кур во главе с задирой-петухом, смел с лица земли овощные грядки вместе с надеждой на будущий урожай, и перерыл газон так педантично, что от цветов и травы не осталось и воспоминания. Казалось, что здесь прошел полк немецких фашистов, уцелевший со времен Великой Отечественной. То, что осталось от усадьбы после визита этой милой дружелюбной собачки, теперь напоминало документальные сводки с фронта после бомбежек вражеской авиации.

Напоследок пес проломил в новеньком заборе огромную дыру и проделал все, то же самое на соседском участке. Дальнейшая судьба этого удивительного представителя собачьего племени нам неизвестна. Но этот экземпляр окончательно убедил нас в правильности нашего выбора в пользу котов.

За многолетнее существование нашей семьи кошек у нас

перебывало великое множество – к сожалению, эти животные не отличаются долголетием. Но некоторые из них оставили о себе настолько глубокие воспоминания, что даже по – прошествии многих лет на глаза наворачиваются слезы сожаления от того, что их уже нет с нами. Особенно запомнилась троица, которая, сменяя друг друга, прожила с нами около десяти лет. Это были коты, которых последовательно звали Израелем, Иннокентием и Моисеем. В просторечии они именовались Изей, Кешей и Мосиком. Столь нетрадиционный выбор имен вызывал настороженные вопросы наших друзей. На что мы всегда резонно сообщали, что должен же быть хотя бы один еврей в доме. На счастье.

Нашей особой любовью из всей этой троицы пользовался Мося, которого мы взяли десятимесячным котенком после того, как нас покинул Кешка.

Моська был кот непередаваемо красивой масти, помесь перса и сиамы, с розоватым пузом, спинкой цвета крем – бриоле, темными ушами и лапками и небесно-голубыми глазами. Нрава он был наикротчайшего.

Любой владелец сиамского кота знает, что это довольно злобный, злопамятный, и непредсказуемый, бьющий хозяина лапой изподтишка, зверь, очень своенравный, и, вообще, весьма своеобразный субъект. Как правило, со скверным характером.

Но Мося был не таков! Это был настоящий тюфяк примерно пяти килограммов живого веса. Приходящая к нам

иногда в гости трехлетняя (тогда!) дочка наших друзей спокойно брала его одной рукой за шиворот, а другой за хвост, и таскала по всей столовой, изображая что-то вроде мытья полов котиной тушкой. Мося стоически переносил эти издевательства, и только его горестный взгляд и текущие из глаз слезы выдавали всю глубину его душевных страданий. Но девочку он не поцарапал ни разу! Его голова болталась, как сосиска, лапы безвольно телепались вслед за обвисшим жирненьким телом, но он героически ждал, когда ребенку надоест это детское «поломойство», не издавая при этом ни единого звука.

Мы отбирали у девочки несчастно кота, и Мосик, отряхнувшись, и приведя в порядок свою красивую помятую шерстку, сразу же залезал на колени к моему мужу, которого почитал кем-то вроде полубога.

Вообще, сидеть на коленях было его любимым занятием. И эта Мосина привычка особенно радовала какого-нибудь случайно забредшего к нам на огонек – в обеденный перерыв или ранним вечерком после трудового дня – гостя мужского пола. Наш кот, как радушный хозяин, весело запрыгивал на колени очередной жертвы, аккуратно топтался по его брюкам и терся о пиджак. В совершенный восторг Мосю приводили шерстяные костюмные ткани темных расцветок. Он терся и топтался на них с каким – то педантичным остервенением. Не подозревавший о таком кошачьем гостеприимстве, посетитель в ужасе спешно ретировался, по пу-

ти тщетно пытаюсь отряхнуть кошачью шерсть с пиджака и хоть немного стереть многочисленные белые отпечатки кошачьих лап, устилавшие его брюки от пояса до колен. Но постепенно все наши друзья привыкли к доброму нраву этого уникального кота, и уже не возражали против его дружеских объятий.

Мы Мосю просто обожали. Всей семьей! Умен он был необычайно. Помню однажды, когда я готовила обед, Мосик спал рядом на стуле, который считал своим законным местом на моей кухне. Он сладко посапывал и улыбался во сне. Я достала из холодильника большой кусок колбасного сыра, завернутого в целлофан, и положила его на разделочную доску, намереваясь порезать и подать на стол к обеду. Но, прервав свои кухонные манипуляции, я всего лишь на полминуты удалилась в ванную за каким-то предметом, теперь уже и не вспомнить за каким именно. Когда я вернулась в кухню, все было по – прежнему: Мося блаженно дрых на стуле, разделочная доска и нож лежали на столе. Не хватало только сыра. Он теперь сиротливо покоился на полу около ножки обеденного стола. Целлофан был изгрызен буквально в лапшу, словно над ним потрудились целый полк мышей.

Я подняла сыр и внимательно посмотрела на Мосика. Тот вдруг заулыбался во сне и засопел еще более вызывающе. «Мося, – строгим голосом сказала я, взывая к Мосиной совести. Никакой реакции на мои слова не последовало. «Мося, – снова сказала я еще более строго. Мося недовольно помор-

щился и приоткрыл один глаз. Весь его вид выражал недоумение, и даже возмущение. У него буквально на лбу было написано: «Я тут, понимаете ли, мирно сплю. И вдруг кто-то меня бесцеремонно будит! Эти люди, они такие нахалы!»

Но я знала его, как облупленного. «Мося, – снова повторила я, – ты случайно не знаешь, откуда у нас взялся сыр, который сам спрыгивает со стола. Да и еще весь безбожно искусанный?»

Мося открыл второй глаз. На его морде теперь было написано возмущение, которому не было предела. Я сдалась.

«Мося, хоть ты и бессовестный кот, но я угощу тебя. За сообразительность». Я отрезала добрый ломоть сыра и положила его на пол в поле зрения старательно имитирующего абсолютное непонимание и непричастность к произошедшему кота. Мосю со стула как ветром сдуло. И пока он, урча, поедал вожделенный кусок, я вовсю любовалась нашим драгоценным Мосиком. Это надо же такое изобрести! Я отсутствовала буквально полминуты, а он умудрился учуять сыр, стащить его на пол, попытаться разгрызть целлофан, понять, что это бесполезная затея, снова устроиться на стуле и – самое главное! – притвориться спящим! Много ли вы видели котов, способных разыграть на ваших глазах такой спектакль? Я – нет! Только еще одного. Нашего незабвенного Кузю.

Этот, второй, прожил у нас совершенно недолго, где – то около года. Мы полагаем, что его украли. Так нам легче пе-

реносить разлуку с ним. Он был уникален, и в чем – то даже переплюнул Мосика, который был всегда вне конкуренции среди котов, живших в нашем доме до и после него.

Кузя попал к нам просто – мы купили его на птичьем рынке за пятьсот рублей. Пока несли домой, мой муж решил, что это безымянное пушистое существо – бесспорно кот Кузя. Кузя так Кузя. Возражать никто не стал.

Купили же мы его при очень необычных обстоятельствах. Жизнь – штука непростая. И ее выкрутасы иногда бывают вполне себе извилистыми. Эти самые обстоятельства сложились так, что семье нашей пришлось покинуть благословенный родной край, где мы прожили почти сорок лет, и переехать в другой город. Наверное, не навсегда. Наверное, на время. Этого мы тогда просто не знали, и для моего повествования этот факт почти не имеет значения. Речь сейчас идет о том, что до отъезда в нашем дворе проживали аж четыре кота!

Так получилось почти случайно, но наличие четырех представителей семейства кошачьих мы воспринимали как нечто данное нам свыше и ничего против этого не имели.

В общем, повторяюсь, котов у нас на момент отъезда было аж четыре штуки. Вернее, котов было два. Остальные были кошки. Как все они попали к нам – отдельная история.

Дружная котиная братия регулярно столовалась у нас в доме, остальную часть своей бурной жизни проводя на улице. Переезжая, мы оставили все это благородное семейство

на попечение моей мамы, и отбыли по своим очень важным делам на неопределенное время. Когда мы через год приехали в отпуск, то обнаружили из всей четверки в живых только одну кошку. Несмотря на то, что эта кошка была черной, как печная сажа, ее звали Бьянка, и она была чем-то вроде семейного талисмана.

Расспросив домочадцев о судьбе остальной живности, мы с прискорбием узнали, что им не так повезло, как Бьянке. Кот по кличке Барин пал жертвой соседского злобного пса. Другой исчез где-то в районе помойных контейнеров, до которых и в прежние времена сытой домашней жизни был большим охотником. Кстати, он носил звучное имя Москвич, так как был доставлен в наш город поездом прямо со столичной помойки, где родился, и был подобран добрыми людьми, пристроившими этого несуразного длинноногого котенка в наши такие же добрые руки. Его родная московская помойка, по-видимому, была ровно такой же, какая приглянулась ему прямо посередине нашей улицы, аккуратно, вокруг стандартных мусорных баков, которыми оборудован любой цивилизованный городской квартал.

У Москвича кроме имени больше ничего примечательного в биографии не было. Разве только один факт. Его имя – для удобства – со временем трансформировалось в Моню, а потом и в Мосю. Но этот Мося был совсем не похож на своего знаменитого тезку. Он был классическим помойным котом. Сначала он приходил домой раз в три дня, потом раз

в неделю. Потом еще реже. Пока совсем не пропал. Но это произошло уже после нашего отъезда.

Третья кошка, проживавшая вместе с нами, звалась Дымкой, и еще в прежние времена заслужила от нас почетное прозвище «бродилкина». Дело в том, что у неё была одна небольшая странность – она полгода проживала у нас, а следующие полгода еще где-то. Это длилось несколько лет подряд, и пока мы жили в нашем городе, все свыклись с таким положением вещей, и просто перестали обращать внимание на такое небольшое отклонение от нормы. Ведь кошка считается настолько домашним животным, что жизнь «на два дома» как бы противоречит самой ее природе. Но Дымка чихала на природу, и умудрялась совмещать свою двойную жизнь с вполне миролюбивым отношением ко всем членам нашей семьи.

Исчезая поздней весной, она обычно заявлялась поздней осенью, и как ни в чем не бывало, садилась около входной двери. Терпеливо дождавшись, пока кто-нибудь впустит ее в дом, Дымка пробиралась на кухню и оставалась у нас до следующей весны. Иногда на ее шее красовался новенький ошейник от блох. Кто – то же ей его покупал!? Но кто?

Проходило несколько месяцев, и она снова исчезала, чтобы вернуться к нам ближе к следующей зиме. Все и всегда повторялось с завидным постоянством.

От этого, так и неразгаданного нами секрета, сильно пахло кошачьим Штирлицем. Ну, в крайнем случае, двойным

агентом.

Но никаких неприятностей или неудобств эта маленькая Дымкина слабость к длительным путешествиям нам не причиняла, и поэтому уходы и возвращения нашей «бродилкиной» кошки со временем стали нормой.

Приехав на побывку в родные пенаты и не застав там практически никого из милой нашему сердцу котиной оравы, мы загрустили.

Так у нас появился Кузя – утешение нашей семье, и особенно моей маме, пенсионерке с огромным трудовым стажем, уважаемому в городе человеку, ветерану труда. И прочая, и прочая, и прочая.

Людям преклонных лет свойственно обзаводиться домашними любимцами. Когда все, даже внуки, разлетаются по городам и странам, хочется, чтобы тебя дома хоть кто-нибудь ждал. Мама много лет привечала и кормила всех наших кошек, и теперь, когда они все испарились почти в одночасье, ей было слегка не по себе. Нужно было как-то или кем-то подбодрить её, хотя бы частично восстановив в доме поголовье наших незабвенных котов. Кузя был идеальным вариантом, и сразу же занял причитающееся ему место в наших, насквозь пропитанных любовью к котам, сердцах.

Пробыв дома положенный отпуском и трудовым законодательством срок, мы отбыли к месту своего полупостоянного жительства, и жизнь снова завертела нас в круговороте событий так, как это бывает вне привычного тихого дома и

таких же привычных тихих дел.

Прошло еще полгода. И я снова приехала в родной дом – немного поработать вдали от столичной суеты. Дома всегда легко пишется, особенно ночами, когда никто не ломится в калитку, телефон умолкает до утра и мысли, наконец, могут спокойно выстраиваться в стройные красивые ряды. Да и соскучилась я по родным местам – почему бы и нет? Не всем же выпадает в жизни вот так взять и сорваться с годами насиженного домашнего очага, пускай и по очень важным делам. Но я не ропщу, ибо это бессмысленно. Жизнь всегда и все знает намного лучше нас.

Кузя за полгода подрос, возмужал и превратился в красивого некрупного котика. Моя мама не могла нарадоваться на своего любимчика. Но оказывается, Кузя, помимо ухоженного и упитанного вида обладал еще многими достоинствами. И перечисление их как сейчас станет ясно, составляет внушительный список. Во – первых, он любил провожать свою хозяйку до магазина, которым заканчивалась улица метрах в восьмидесяти от нашего дома. Он рысью, словно заправская собачонка, бежал вслед за неторопливо идущей пожилой женщиной – моей мамой, садился около магазинных ступенек, и терпеливо ждал, пока та делала покупки. Если она задерживалась, он улучал момент, когда кто-нибудь из покупателей открывал дверь, просовывал голову внутрь и громкими возмущенными воплями торопил хозяйку. Если ей после магазина нужно было отправиться куда-нибудь еще,

Кузя усаживался на углу улицы и набирался терпения еще часа на два – три – она редко отсутствовала дольше. Но, как только, возвращаясь, она оказывалась в поле его зрения, кот выказывал все признаки бурной радости. Дождавшись, пока хозяйка подойдет поближе, он снова, как преданный взрослый пес, бежал рядом. Иногда эмоции перехлестывали у него через край, и тогда он забегал впереди нее, опрокидывался на спину и весело бил лапами в воздухе, вызывая хохот и умиление соседей по улице. В этот момент он уже не напоминал взрослого пса, привычно бегущего у ног хозяина, а становился самим собой – котом Кузей, радостно и открыто смотрящим на эту распрекрасную жизнь.

Еще одним фокусом у Кузи было неистребимое желание посидеть на хозяйском плече. За это он получил от меня дополнительное прозвище – «попугай Джона Сильвера» – в память о легендарном попугае – пирате. Уж очень Кузя на него был похож, когда взбирался на плечо к моей маме. Он мог сидеть там часами, и ему совершенно не мешало, что она готовит обед или разговаривает по телефону.

Спал Кузя исключительно в хозяйской постели, не признавая никаких кресел, ковриков или специальных кошачьих коробочек. Он дожидался, когда моя мама ложилась отдыхать днем, или укладывалась спать поздним вечером, забирался к ней под подбородок, теплой мягкой горжеткой обвивался вокруг шеи и спокойно засыпал, не обращая никакого внимания на слабые протесты хозяйки. Иногда он завали-

вался эдаким бокогреем к ней под одеяло, сворачивался там аккуратным калачиком и мирно посапывал до самого утра.

Когда Кузя был поменьше, он обожал кататься верхом на Бьянке, используя ее в качестве домашней лошадки, словно заправский жокей. Черная, как смоль, кошка, была настоящей стопроцентной флегмой и относилась к Кузиным закидонам с непробиваемым спокойствием. Обычно он подстерегал ее где-нибудь за холодильником или под столом, неожиданно выпрыгивал из своего укрытия и вскакивал ей на спину. Бьянка от испуга брала в галоп, и Кузя, довольный, пыхтя от гордости за собственную находчивость, разъезжал на спине у пожилой кошки, пока ему не надоедало это занятие.

Иногда, когда к маме приезжали гости, Кузя встречал их за калиткой, у дороги, с удовольствием запрыгивая в салон привезшего их автомобиля, и, расхаживал там, внутри, с совершенно нахальным хозяйским видом.

Но все же коронным Кузиным фокусом был номер с печеньем. Мама как-то пожаловалась мне, что не понимает, куда девается печенье, которое она регулярно покупает «на всякий случай»: «Я его редко ем. Гости вот только. Да отнесу кому».

Все выяснилось совершенно случайно. Как-то днем, во время летней сиесты, когда все живое млеет от дневного сна и жары, она неожиданно проснулась и увидела следующую картину. Кузя, запрыгнув на стол, внимательно осмотрелся

по сторонам, и, не заметив ничего подозрительного, аккуратно поддел когтем салфетку, которой была накрыта ваза с печеньем. Отвернув краешек салфетки, он вытащил из вазы одно печенье, и бережно отнес его к себе в миску. То, что произошло дальше, было вполне достойно не только театра Куклачева или цирка на Цветном бульваре. Это могло бы войти в анналы Академии наук! Положив печенье к себе в миску, Кузя ВЕРНУЛСЯ на стол, снова аккуратно поддел салфетку, и накрыл вазу с печеньем так, словно бы ничего и не произошло.

Мама обалдело наблюдала за Кузиными манипуляциями, и после того как он, легко вздохнув, спрыгнул на пол и съел свою добычу до последней крошки, она громко расхохоталась, чем выдала свое присутствие. Но Кузя, нисколько не смутившись, тут же запрыгнул к ней на диван, свернулся калачиком и довольно заурчал.

Он прожил в нашем доме еще около полугода, а потом исчез. Наверное, его забрал кто-нибудь из проезжавших мимо автомобилистов – слава о таком необычном коте гремела по всей нашей улице, и даже за ее пределами. Мы не хотим думать ничего другого. Пусть наша, уже ставшая легендой про замечательного кота Кузю, былль, имеет хороший конец.

Через год мы взяли на том же рынке нового кота. И мама назвала его Кузей. В честь того, прежнего. Но это, как сказал неведомый мне классик, уже совсем другая история.

Животные, несомненно, меняют нас. И даже иногда нашу

жизнь. Но, как правило, в лучшую сторону. Я очень благодарна им за это простое и такое редкое у людей свойство. Думаю, так было всегда и так всегда будет. Пусть у каждого хоть однажды в жизни случится свой кот Кузя. И тогда наша жизнь обязательно станет чуточку прекраснее.

Поезд, Владивосток и тапочки

Вагон суетливо подпрыгивал на каждом крошечном ухабе. Странная она, эта физика железных дорог. Вроде и рельсы ровные – аж до горизонта как два параллельных абсолюта, и колеса гладкие, отполированные силой тяжести до зеркального блеска. Ан, нет! Трясет и все!

Я возвращалась в Москву из очередной творческой командировки. Так я зову свои периодические наезды в родные пенаты – пишется мне там хорошо.

В попутчики мне попала молодая пара, по виду сразу и не определишь, кто такие. Слово за слово – поплыл разговор, и я для себя уяснила, что парень, видимо, из «деловых» – не броский с виду, малоразговорчивый, с цепким, изподтишка, взглядом. Но ничего неприятного в этом взгляде я не подметила.

Девушка подходила под определение «ангел» – белокурая, голубоглазая и очень милая. Вот этим ее милым обаянием эта пара меня и подкупила. Я, обычно не разговорчивая в поездах, не признающая общения с незнакомыми людьми в принципе, оттаяла, и поведала им, что я в обыкновении своем – писатель. После этого моего претенциозного заявления парень вдруг заулыбался, и как-то внутренне расслабился, словно бы отпустил там, внутри себя, тугую пружину. А зачем она, если опасности никакой от меня не предвидится?

Мы проболтали, без малого, часов около восьми – за разговорами день в поезде катится незаметно. Они расспрашивали меня о том, как это – писать книги. Я с удовольствием рассказывала. Но где-то в самой глубине глаз парня все же таился огонек недоверия. Я пошла ва-банк. «А хотите, я сейчас, вот здесь, прямо на ваших глазах напишу стихотворение. И хорошее! – подкрепила я свое наглое предложение вполне себе резонным – для меня! – заявлением номер два. Огонек в глазах парня поменял окраску. Теперь я прочитала в них нескрываемое уважение. А что, «деловые» всегда уважали чужую лихость и здоровое нахальство. Во времена пиратов это называлось «авантюрой». Но дело ведь не во временах, а в действиях.

За окном мелькали заснеженные сосны, промерзшие насквозь прозрачные березы и прочий зимне – снежный антураж. Подумав пару минут, я накатала двенадцать строчек, почти не отрывая перо от бумаги. «Вот! Это вам на память, – гордо, словно фокусник, доставший из шляпы зайца, сказала я, завершая тепленький еще стишок своим автографом. Ребята молча, с восхищением приняли из моих рук листок, на котором были написаны эти строчки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.